

Русские матери, русские матери,
Сколько в войну сыновей вы утратили.
В горе своём сединой убелённые,
Над обелисками низко склонённые.

Русские матери сердцем открытые,
Как не сломились вы, горем убитые.
Светлой зарёю взошли над Россией,
Стали звездой её негасимой.

В белые вьюги, в цветенье смородины.
Низкий поклон вам от ласковой Родины.
Вашим сынам, что стоят обелисками,
Вечная память и скорь материнская.

ПОДВИГ МАТЕРИ

Составитель: Песоцкая Л.А.
Библиотекарь Черкасского отдела
МБУК ЦР «ЦМБ»

х. Черкасский
2020г.

Памятники победителям фашизма после войны воздвигали по всему Советскому Союзу. Огромные мемориалы — в местах самых крупных, кровопролитных боев. Крашенные бетонные солдаты — в небольших деревнях. Где-то ставили типовые фигуры, где-то старались придать им портретное сходство с погибшими односельчанами. Тогда еще свежа была память об их небывалом подвиге, еще до боли точно помнили ужас войны и радость Победы. Но среди множества монументов в нашей стране есть и такие, на которые и сейчас невозможно смотреть без слез. Это памятники матерям, не дождавшимся с фронта своих сыновей.

Журавли Прасковьи Володичкиной

Прасковья Еремеевна Володичкина из самарского поселка Алексеевка на фронт проводила девятерых сыновей. Провожала одна, мужа к тому времени не было в живых. Крепкую зажиточную семью сочли кулацкой, и в годы коллективизации у них отобрали часть земель и хозяйства. После этих событий Павел Володичкин умер — еще в 1935-м. Все хозяйственные заботы легли на плечи матери и старших сыновей. Воевать они уходили по очереди. На коне, на велосипеде, пешком — то один, то другой покидали родной дом, отправляясь на сборный пункт. Материного любимца, самого младшего сына, Николая на фронт забрали прямо из армии: он служил в Забайкалье, и проститься с ним

Прасковье Еремеевне не пришлось. Только записку от него передали: «Мама, родная мама. Не переживай. Едем на фронт. Разобьем фашистов и все вернемся к тебе. Жди. Твой Колька». Не вернулся. 20-летний Колька и его братья — Андрей, Федор, Михаил, Александр — сложили головы с 41-го по 43-й, в самые тяжелые годы войны. В Польше в 45-м погиб Василий Володичкин. Шестая похоронка Прасковью Еремеевну не застала. Сердце матери не выдержало, она скончалась. С фронта в Алексеевку вернулись лишь трое Володичкиных: Петр, Иван и Константин. Но долго братья не прожили: сказались серьезные ранения, полученные в боях. До 70 лет дожил только Константин. В 1995 году в Алексеевке открыли памятник Прасковье Еремеевне. Улицу, где его поставили, назвали в честь братьев Володичкиных.

«Семь косарей» Тассо Газдановой

В осетинском селе Дзуарикау с фронта ждали семерых сыновей. Дождались только семь похоронок. В 41-м году не стало Махарбека Газданова. Учитель осетинского языка погиб под Москвой. Через год родители оплакали скрипача и певца Хаджисмела, его убило под Севастополем. Там же без вести пропал третий сын, самый старший — Магомет, первый комсомолец в селе. Самый лихой джигит из братьев, Дзарахмат, служил в кавалерии. «Война идет жестокая, но если бы вы знали, какие люди воюют рядом со мной!» — писал он домой. Дзарахмат работал председателем сельсовета, он единственный из братьев успел до войны жениться, дома осталась беременная жена.

Ему написали: возвращайся с победой, у тебя родилась дочь! Но этого письма он уже не получил. В 42-м его похоронили под Новороссийском. Под Киевом лег выпускник пищевого техникума Созрико Газданов. О судьбе самого младшего, 17-летнего Хасанбека, едва успевшего окончить школу, ничего не знали с сентября 41-го. Позже выяснилось, что погиб и он. Последний из братьев, Шамиль Газданов, дожил чуть не до конца войны. Возможно, потому, что в военном деле он был самый опытный, служил в армии с 37-го года. Гвардии лейтенант Газданов был награжден четырьмя орденами, и это неудивительно: на счету командира стрелковой батареи было множество уничтоженных вражеских дзотов, вооружения и живой силы. За шестерых своих братьев Шамиль мстил, как истинный горец. Но и он в родное село не вернулся. После третьей похоронки сил у матери не осталось. Она скончалась от горя. Асахмет Газданов, глава осиротевшего семейства, не мог уже ни ходить, ни плакать. Но верил, что дождется хотя бы Шамиля. Похоронку на седьмого сына ему принесли уже после 9 мая 45-го. Старик сидел на улице, держал на руках свою единственную внучку. Увидев скорбную процессию старейшин, он все понял — и умер в тот же момент. В память о трагедии семьи Газдановых в Осетии появился национальный танец — «Семь косарей». В родном селе открыли школьный музей. А в 1965-м здесь поставили памятник, вдохновленный стихотворением Расула Гамзатова. Семь журавлей взмывают в небо над склоненной фигурой матери.

Девять бед Епистинии Степановой

Кубанская крестьянка Епистиния Федоровна Степанова отдала трем войнам девятерых своих сыновей. В разгар Гражданской, в 18-м году, старшего сына Александра расстреляли белые — за то, что семья помогала красным. В 39-м на Халхин-Голе погиб Федор Степанов. А Великая Отечественная извела всех братьев Степановых подчистую. Домой с осколком в ноге вернулся только Николай Степанов, но в 1963 году он все же умер от последствий ранений. Мать жила от письма к письму. «Скоро возвратимся в родные места. Заверяю вас, что буду бить оголтелую сволочь за родную Кубань, за весь советский народ, до последнего дыхания буду верен военной присяге, пока в моей груди бьется сердце... Мы закончим, тогда приедем. Если будет счастье», — писал с фронта младший Сашка. Дома его звали Мизинчик — самый маленький, самый последний. Счастья Мизинчику не досталось. Воевал он достойно, за личное мужество заслужил орден Красной Звезды. Но осенью 43-го ему, командиру отделения, пришлось вместе со своими бойцами оборонять от гитлеровцев Украинскую землю. На подступах к Киеву рота Александра Степанова отбила шесть мощных неприятельских атак. Седьмую он отбивал уже один. Позже подсчитали, что в одиночку он уложил 15 вражеских солдат и офицеров. А когда боеприпасы закончились, забрал остальных с собой, подорвавшись на последней гранате. Было Александру всего 20 лет. Посмертно за этот подвиг ему дали звание Героя Советского Союза. За несколько месяцев до брата, в июле того же 43-го, на Курской дуге был убит Илья Степанов. Танкисту Илье тоже досталось сполна: он был тяжело ранен еще в первые дни войны, в Прибалтике. Ранение было серьезным, Илья долго лежал в госпитале, долечивался уже дома, у матери. Оттуда — под Сталинград. Второе ранение, снова на госпитальную койку. Третье ранение — и снова на фронт. В четвертый раз судьба его уже не сберегла. В этом же, страшном для матери 43-м, зимой, фашисты расстреляли партизана Василия Степанова. Он воевал в Крыму, попал в плен. Но бежал, ушел в партизанский отряд. На задании его поймали, бросили в тюрьму. Бежать второй раз не удалось. Партизанил и Иван Степанов, но он сгинул еще в 42-м. Бежал из плена, скрывался у колхозников, потом ушел в отряд. Его расстреляли в Белоруссии. И совсем ничего не было известно о брате Павле, который без вести пропал в 41-м... В феврале 45-го умер Филипп Степанов. Он не дожил до Победы нескольких месяцев. Скончался в немецком штрафлаге Форелькруг. Епистиния Федоровна до 93 лет жила в семье своей единственной дочери, воспитывала внуков и правнуков. История ее семьи была широко известна. Она первая среди советских женщин получила орден матери-героини. Памятник, который поставили ей в Тимашевске, делали на основе фильма, кинодокументалисты Карпов и Русанов сохранили ее материнский подвиг в фильме «Слово об одной русской матери».

Про Анастасию Акатьевну Ларионову из омского села Михайловка фильмов при жизни не снимали. До 80-х годов о матери семи погибших фронтовиков знали только местные историки. Судьба ей досталась тяжелая. Еще в разгар коллективизации крепкую крестьянскую семью Ларионовых раскулачили. Муж умер в 38-м. Тянуть семерых сыновей и двоих дочерей пришлось самой. Работали в семействе от зари до зари, и в колхозе, и дома. В 41-м в дом пришла первая повестка — а потом до конца войны так и тянулось: то повестка, то похоронка. На фронт ушли все сыновья Анастасии Акатьевны, две ее дочери проводили своих мужей. Старший сын, Григорий, был кадровым военным, служил на китайской границе. Он пропал без вести — и это не просто стандартная военная формулировка. О его судьбе до сих пор неизвестно абсолютно ничего: где погиб, как, когда. Еще в 39-м в армию пошел сын Михаил. Служил стрелком. Погиб в 43-м. В 41-м, в самом начале войны, ушел воевать Пантелей. Но остался лежать под Ленинградом. Зимой 42-го вещмешок собрал Прокопий. Он погиб на Украине через год, осенью 43-го. В этом же, черном для семьи 43-м, ушли на фронт сразу два брата Ларионовых, Федор и Петр. Не вернулись и они. Петр погиб при освобождении Польши, в 45-м. О боевом пути Федора данных нет. В 44-м добровольцем на фронт отправился уже седьмой брат, Николай. Где ему довелось встретить свою смерть, тоже неизвестно. Сгинули на полях сражений и зятя Анастасии Акатьевны. Единственным из Ларионовых, кому удалось вырваться из этой смертельной круговерти, был внук Анастасии Акатьевны, Григорий (по другим данным — Георгий) Пантелевич. Его забрали из дома в 43-м, а демобилизовали только в 47-м. Долгожданная встреча с внуком бабушку Настю подкосила. Она скончалась в 1973 году, немного не дожив до того момента, когда в родном

селе поставили обелиск погибшим землякам. Там были высечены имена всех ее семерых сыновей. Деньги на памятник солдатской матери Анастасии Ларионовой собирали всем миром. В итоге поставили целых два: в Омске и в селе Саргатское, у Вечного огня.

Восемь обелисков Марии Фроловой

Детей у Фроловых было 12: две дочери, десять мальчишек. На фронт не попали лишь двое из них: у профессионального электросварщика Алексея была бронь, Митрофан не вышел годами. Остальных война не пощадила. Так случилось, что все они легли в боях за Ленинград. Михаил окончил политехнический институт, преподавал в Военно-морской академии. Во время испытаний на боевом корабле Балтфлота Михаил Фролов попал под бомбежку и умер от ран. От бомбы погиб и его брат Константин. Он ушел ополченцем с третьего курса вечернего института. Василий сложил голову на легендарном Невском пятачке. В 43-м не вернулся из разведки Петр. Леонид долго добивался, чтобы с него сняли бронь, ушел на фронт добровольцем — и нашел свою смерть в конце апреля 45-го. В это же время, за несколько недель до Победы, был смертельно ранен Тихон. Штурман авиаполка не вернулся с боевого задания. «Пусть фрицы помнят: нас, братьев, десять — погиб один, на его место становится другой», — писал он домой. Но домой из этой десятки вернулись только израненные Дмитрий и Николай. Дмитрий с 41-го года защищал советскую Балтику. Тонул в ледяной воде, много раз был ранен, лечился в госпиталях. Последнее ранение в голову стало для него роковым. Из-за него геройский моряк ослеп и скончался уже в 48-м году. Еще раньше него ушел из жизни Николай.